

Особенности реализации политики самодержавия в отношении старообрядцев Западной Сибири в первой половине XIX в.

Бежан Евгения Михайловна

аспирант

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

evgenija-bezhan@rambler.ru

Религиозная политика самодержавия в отношении староверов Западной Сибири имела ряд характерных черт, связанных в первую очередь с окраинным положением региона и спецификой сибирского аппарата управления. «Недостаточная информированность центра о положении дел в регионе, низкая оперативность передачи управленческих решений» препятствовали выработке правительственной политики, учитывавшей местные особенности, и эффективной реализации курса самодержавия в русле сформированных им теоретических принципов и установок [8, 6]. Последнее было вызвано также и тем, что местная администрация, претендовавшая на самостоятельное видение региональных проблем, имела возможность до известной степени проводить автономную политику, которая могла расходиться с намерениями центра. Деятельность местных органов власти существенно осложняло наличие ведомственных территориальных образований - церковных епархий, Колывано-Воскресенского (с 1834 г. Алтайского) горного округа, Сибирского линейного казачьего войска, обладавших частичной административной автономией от сибирских чиновников.

Наконец, все дела о расколе в первой половине XIX в. были переданы в ведение Министерства внутренних дел, которое на губернском уровне представляли губернатор и губернское правление. Не вдаваясь в подробности дискуссии о соотношении властных полномочий генерал-губернатора, губернатора и губернского правления, не находившегося, как это было в европейской части России, в непосредственном подчинении губернатора, отметим лишь, что схожий круг их прав и обязанностей создавал реальную угрозу лишения губернатора (по общероссийскому законодательству – высшего начальственного лица, реализующего курс МВД на местах) власти. В этом отношении особое значение приобретали личные качества губернатора [7; 10, 28].

Вопросы, касающиеся раскола, до реформы М.М. Сперанского, находились в ведении третьего отделения канцелярии сибирского генерал-губернатора [1], а с 1822 г. оказались сосредоточены в первом, исполнительном, отделении канцелярии Главного управления Западной Сибири [2]. Для указанных органов власти «раскольничьи дела» являлись, хотя и важной, но одной из многочисленных обязанностей. Из-под юрисдикции духовной власти «раскольники» также были выведены. Поэтому учреждение в Тобольске 15 марта 1847 г. Секретного совещательного комитета «по делам о раскольниках, сектантах и отступивших от православия» в составе епархиального архиерея, жандармского штаб-офицера и губернатора, по мысли центрального правительства, должно было придать «большей твёрдости и согласности» мерам, принимаемым губернским начальством в борьбе с расколом, и сфокусировать внимание местной администрации на этой задаче [3]. Однако во время ревизии Н.Н. Анненкова в 1851 г. выяснилось, что комитет не функционирует из-за кадровых и финансовых проблем [4]. На наш взгляд, основная причина этого крылась в составе комитета. Жандармы, не подчинявшиеся местной администрации и являвшиеся орудием негласного контроля самодержавия за положением дел в губернии, были призваны ограничить всевластие местного начальства в таком важном для столичного правительства вопросе. Для духовенства, утратившего с петровских времён властные полномочия, комитеты являлись единственным органом, позволявшим принимать участие в государственной политике. При этом значительно ограничивались властные полномочия губернатора, поэтому и не заинтересованного в существовании комитета и не предпринимавшего каких-либо действий на этот счёт. Кроме того, архивные источники свидетельствуют о частых

разногласиях между губернатором и епархиальным архиереем по религиозным вопросам, отчего эффективность деятельности комитета снижалась. Наконец, отношение местных властей к «раскольникам» было более лояльным, чем в центре, и в значительной степени определялось добросовестным исполнением последними своих гражданских обязанностей. Следовательно, наличие комитета, по сути вневедомственного судебного органа, не воспринималось сибирскими чиновниками делом первостепенной важности.

Толерантное отношение окраинной администрации к староверам было обусловлено следующими причинами. Центральное правительство при выработке политического курса учитывало фискальный, верноподданный, конфессиональный, экономический (колониационный) факторы. В идеале это означало, что старообрядец, перешедший в единоверие, а ещё лучше в православие, платёжеспособный, преданный царю и государству, должен был переносить свой образ жизни на слабозаселённые русскими людьми территории и тем самым способствовать их интеграции в имперское пространство. На практике сибирские власти оказались в сложной ситуации выбора [9, 22-23]. Под давлением фискальных и хозяйственных, колониационных задач местная администрация была вынуждена закрывать глаза на религиозную принадлежность переселенцев, купцов, выборных в органах местного самоуправления, многие из которых являлись староверами. Так, например, неоднократно нарушались правительственные указы об обособленном от православных расселении старообрядцев [5]. Деловые качества староверов, их материальная состоятельность, высокий уровень интеллектуальной и профессиональной подготовки вынуждали сибирских чиновников также «мириться» с занятием ими большинства выборных должностей в органах городского и крестьянского самоуправления [6]. К тому же этому способствовало существование районов с чрезвычайно высокой концентрацией «раскольников», поэтому установленные государством квоты на занятие православными определённого процента мест физически невозможно было исполнить.

Отсутствие из центра контроля за деятельностью высших чиновников сибирской администрации приводило к тому, что личное отношение губернатора и окружавших его лиц являлось решающим фактором, определявшим реальное положение старообрядцев независимо от правового. Этому способствовала и чрезвычайная запутанность российского законодательства, одновременное сосуществование новых и старых, напрямую не отменённых, юридических норм, наличие секретного законодательства, а также его казуистический характер, позволявшие трактовать постановления и указы по-своему. Ярким примером сверхлояльного отношения к старообрядцам является тобольский губернатор (в 1836-1839 гг.) Х.Х. Повало-Швейковский, а его антиподом можно назвать томского губернатора (в 1840-1847 гг.) С.П. Татаринова.

Подводя итог, мы можем констатировать, что западносибирский вариант самодержавной политики по отношению к старообрядцам значительно отличался от общероссийского, а его практическая реализация – от теоретических представлений центра на этот счёт.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 351.
2. ПСЗ - I. Т. XXXVIII. №29124-29136.
3. ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17753. Л. 3-4, 13.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18305. Л. 28-32.
5. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17987. Л. 1 об.; ГАОО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 18732; ГАОО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 18734.
6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17860. Л. 2-14 об.; ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17860. Л. 2-14 об.
7. Матханова Н.П. Полномочия губернатора в России середины XIX века: закон и действительность // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Вып. 2. Новосибирск, 1998.

8. Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995.

9. Сибирь в составе Российской империи / Ред. А.И. Миллер, А.В. Ремнёв, А. Риббер. М., 2007.

10. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991.